

Марцевич Э.

28/5-86

28 МАИ 1986

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

Штрихи к творческому портрету Эдуарда Марцевича

Синеглазые воители

Недавно по телевидению прошла очередная серия передачи «Страницы советского искусства. Литература и театр», напомнив нам о замечательных художественных открытиях пятидесятих годов. К счастью, почти все они запечатлены на пленке: И. Ильинский — старик Аким во «Власти тьмы», И. Смоктуновский — князь Мышкин в «Идиоте», Е. Самойлов — Гамлет. И тут же, как говорится, «стык в стык» — юный белоголовый Гамлет — Эдуард Марцевич...

В свое время о Гамлете — Марцевиче было много написано, и почти все отмечали обаяние актера, его темперамент, способность донести красоту и силу стиха. Впрочем, были и отрицательные отзывы. Известный театральный режиссер не принял этого Гамлета — хрупкого, раннего, не защищенного ранней мудростью. Спустя много лет этот же режиссер отдал Марцевичу одну из главных ролей в пьесе-притче, где молодых героев будут играть зрелые актеры: может быть, в этом определенная режиссерская позиция — мудрость всегда идет об руку со зрелостью. И нет сомнений: режиссер писал свою рецензию с глубоким убеждением, что помогает начинающему актеру увидеть себя со стороны и, не обольщаясь ранним успехом, отнестись к себе строго и взыскательно.

Это был далеко не первый урок для Эдуарда Марцевича. Он рос на подмостках сцены — еще в детстве играл в профессиональных и любительских спектаклях. Его

отец, артист сначала бакинского, потом Вильнюсского русского драматического театра, был для него и первым учителем, и первым критиком. В Щепкинском театральном училище, в классе К. А. Зубова и Г. Н. Дмитриева, будущий актер окончательно утвердился в понимании своей профессии как высокой миссии, которая передается от плеяды к плеяде. Уроки замечательных мастеров — их всегда мало, сколько бы они

ни длились! Уже зрелым актером Марцевич отправился в Паневежис, на стажировку к известному литовскому режиссеру Ю. Мильтинису, закончил под его руководством режиссерские курсы, поставил «Обыкновенную историю»...

К тому времени Эдуард Марцевич уже стал нашим и зарубежным кинозрителям широко известен. Участие в фильме М. Калатозова «Красная палатка» поставило его в

один ряд с такими «звездами» экрана, как Питер Финч, Донатас Банионис. Более чем в тридцати фильмах появлялся актер. Но если бы он ничего не сыграл в кино, кроме роли Мальмгрена, участника арктической экспедиции Нобиле, то уже по одной этой роли миллионы зрителей могли бы судить о творческой индивидуальности актера: о его цельности, тонкости, о его способности к очень напряженной жизни в образе.

С Мальмгренем, подвижником и бесребреником, приходила в фильм не только тема творческой одержимости, но и тема чистой любви, которая чем-то сродни подвигу самопожертвования во имя общечеловеческого совершенства. Такая любовь встречается не столь уж редко; но в обычных житейских условиях она незаметна, и нужны великие потрясения, чтобы ей себя обнаружить. В Мальмгрене — Марцевиче есть что-то от мальчиков «невиданной революции», от безусых солдат Великой Отечественной — и это при том, что актер откровенно показывает идеалиста. Сила духа, которую проявляет Мальмгрен, дана человеку на все времена — в нейто и заключается истинно человеческое начало. Марцевич играет своего героя в спокойной, открытой манере, полностью сосредоточившись на состоянии духа. Мальмгрен на смертном одре — это символ, но символ, далекий от какой-либо условности, вызывающий яркие жизненные ассоциации.

Эта способность к игре обобщенной и вместе с тем аб-

солютно свободной и естественной — отличительная черта актера. Она-то и сделала необходимым его участие в таком, например, спектакле, как «Рядовые», поставленном недавно на сцене Малого театра по пьесе А. Дударева режиссером Б. Львовым-Анохиным. Надо сказать, сам артист не видел себя в этом спектакле, и нужен был авторитет режиссера, чтобы заставить его поверить: это его роль — старшина, разжалованный, а потом снова восстановленный в звании, смелый, острый на язык Дугин, который каждый день играет со смертью, точно нарочно нарываясь на пулю...

«Рядовые» — притча; в ней, собственно, нет главного героя, хотя Дугин занимает центральное место. Пьеса воссоздает собирательный образ Солдата, дожившего до Победы. Ему предстоит новая жизнь. Рядовой — победитель, заплативший за победу самой дорогой ценой, ценой своего человеческого достоинства. С каждым из героев это случилось по-разному, и каждый, оставшись в живых, предпочел бы погибнуть в бою. Стоит ли жить человеку, на глазах у которого оккупанты расстреляли всю семью, а он лежал в двух шагах и не смел обнаружить себя, чтобы не сорвать партизанское задание? Стоит ли жить женщине, побывавшей в лапах у фашистов?.. И не будет ли смерть для всех них выходом из нравственного тупика? С этим выводом и спорит Марцевич. Его Дугин — олицетворение нравственной высоты, нравственной стойкости.

Смерть от случайной пули — нелепость. Он должен был выжить и наперекор судьбе, готовившей ему унижительную расплату за чужую низость и чужой порок, все-таки остаться человеком — добрым, смелым, честным, великодушным, и именно в этом обрести подлинное мужество.

Да, Эдуард Марцевич — актер со своей темой, темой человеческой духовности, не просто и нетрадиционно утверждающей себя. Актер, с увлечением сыгравший в кино и на телевидении множество «костюмных» ролей, отнюдь не безынтересных, но не приоткрывающих его истинного лица, сумел не размениться на мелочи, не растратить таланта. В самом деле, достаточно назвать некоторые фильмы, в которых играл Марцевич: «Идеальный муж», «Женщина в белом», «Канкан в английском парке», «Дом в дюнах», чтобы догадаться: актеру нравится лицедействовать. Высокая актерская техника, способность совершенно отходить от себя, наконец, чувство юмора позволяют ему виртуозно перевоплощаться.

У пьесы А. Толстого «Царь Федор Иоаннович» особое место в истории русского театра. Существует традиция ее театрального прочтения, определенный взгляд на главного героя. Тихайшим играл его И. Москвин. Сыном Ивана Грозного представлял его Н. Хмелев. Две грани одного образа. И впоследствии каждый из исполнителей, будь то И. Смоктуновский или Ю. Соломин, стремился, не нарушая традиции, сыграть по-своему,

дополнить образ. И Марцевич не был бы художником, если бы не привнес свое, только ему присущее понимание характера «слабого» в своей вселенской доброте царя.

В свое время кто-то из критиков, живописуя Мальмгрена, употребил слово «синеглазый» и потом все упирал на эту «синеглазость». Дело, конечно, не в цвете актерских глаз, подчеркнуто синих на цветной пленке, а в некоем внутреннем свете, ощущаемом и в Мальмгрене, и в Дугине, и в Пете Трофимове из «Вишневого сада», и в Райском из «Обрыва», и в лирическом герое стихов Сергея Есенина, с чтением которых актер выступает в концертах. За ним, за этим внутренним светом, не просто благость, за ним — яркая индивидуальность, сильная духовностью, совестью, стремлением к правде.

Вот уже семнадцать лет играет Эдуард Марцевич на сцене Малого театра. Здесь состоялись его главные роли в спектаклях «Пучина», «Агония», «Заговор Фиеско в Генуе». И не главные, но очень интересные зрителю и дорогие актеру, такие, как Ухтищев в «Фоме Гордееве». Малый театр для него, как и в студенческие годы, — Дом Щепкина, Дом Ермоловой.

...После спектакля он стоит на опустевшей сцене, и она кажется огромной, больше зала, из которого смотрят сотни глаз. «Удивительная все-таки профессия актера, — улыбается Марцевич. — Люди ушли, а энергию свою оставили...»

Лариса ЯГУНКОВА.